

E. SCHWARTZ, *Zum Neuen Testament und zum frühen Christentum* (Gesammelte Schriften, Bd. 5), B., 1963, стр. XII + 382

Настоящая книга завершает пятитомное издание сочинений одного из крупнейших немецких филологов-классиков конца XIX—начала XX столетия Эдуарда Шварца (1858—1940). Круг интересов Шварца был чрезвычайно широк: он занимался крупнейшими писателями античности — Гомером, Фукидидом, Еврипидом, и созданные им портреты античных деятелей выдержали несколько изданий¹; он писал о греческом романе и о греческой этике; он издал акты вселенских соборов² и «Церковную историю» Евсевия³ и написал книгу об отношении императора Константина к христианской церкви⁴. Соответственно разнообразно и содержание его собрания сочинений: первый том, вышедший еще при жизни Шварца, в 1938 г., носил название «Прошлое и современность» и включал преимущественно речи, заметки и некрологи; затем последовали «Об истории и литературе греков и римлян» (1956), «К истории Афанасия» (1959) и «К истории ранней церкви и ее права» (1960).

Пятый том состоит из статей, опубликованных в 1903—1914 гг. и посвященных анализу Нового завета и истории раннего христианства. Тем самым, кстати сказать, нарушается хронологический принцип издания, ибо материал этого тома должен был бы во всяком случае предшествовать третьему тому сочинений. Как отмечают в предисловии издатели В. Эльтестер и Г. Д. Альтендорф, том не включает всего, что было написано Шварцем по проблемам раннего христианства: одни работы исключены, поскольку они переиздавались сравнительно недавно, другие — поскольку сам Шварц считал их неудачными. Том завершается указателем ко всему собранию сочинений, составленным сотрудником Института греко-римских древностей Г. Х. Хансеном.

Книга Шварца, разумеется, не создает целостного представления о становлении раннего христианства — да это и не было задачей автора: статьи посвящены сравнительно частным вопросам, однако нередко существенным для воссоздания общей картины.

Значительная часть тома касается текстологических проблем: одна из статей (стр. 183—191), впрочем, несколько вы-

падающая из содержания тома, посвящена характеру «Гексаплы» Оригена и детализации представлений о ней в свете находок С. Меркати (приписка к «Гексапле» и палимпсест с отрывком из «Гексаплы»); в других разбираются некоторые проблемы, связанные с историей евангельского текста. В небольшой статье (стр. 42—47) о проклятой Христом смоковнице (Мк., 11, 12—21, Мтф., 21, 19—21) Шварц остроумно показывает, что этот эпизод, находящийся в резком противоречии с раннехристианской этикой, является сказочным, легендарным. Действительно, за что проклинал Христос смоковницу, на которой не было плодов, если он проходил мимо нее, когда еще не настало время плодоносить (ὁ γὰρ καρπὸς οὐκ ἦν σῶμα)? Шварц считает этот эпизод этнологическим, связанным с легендой об определенной смоковнице в Вифании — по его мнению, всем известном дереве, — которому будто бы Христос запретил плодоносить, покуда он снова не вернется на землю. Отражение этой легенды о засохшей смоковнице, которая распустится накануне установления царства божьего, Шварц усматривает в евангелии от Луки (21, 29—31).

Среди статей 5-го тома внимание нашего читателя привлечет работа о хронологии жизни и деятельности апостола Павла (стр. 124—169). В нашей литературе господствует представление о мифичности Павла, хотя серьезной попытки доказать этот тезис предпринято не было. Для Шварца, напротив, существование Павла — бесспорный факт, и свою задачу он сводит лишь к определению времени деятельности Павла. Он выдвигает две опорные даты: 1) царь Ирод I Агриппа умер в марте 44 г., Павел же побывал в Иерусалиме еще до его смерти⁵; 2) проконсул Антоний Феликс, на суд которого был отправлен Павел, занимал свой пост с 52—53 по 55 г.

В 1905 г., в то время как Шварц еще заканчивал свою статью, впервые была опубликована дельфийская надпись, которой в настоящее время западные историки церкви придают решающее значение в установлении хронологии деятельности Павла — так называемая надпись Галлиона. На основании этой надписи удается установить, что проконсул Ахайи Луций Юний Галлион занимал этот пост в 51—52 или 52—53 гг. Следовательно,

¹ E. Schwartz, *Charakterköpfe aus der Antike*, 3. Aufl., Lpz., 1950.

² *Acta conciliorum oecumenicorum*, ed. E. Schwartz, B., 1914—1940.

³ Eusebius, *Kirchengeschichte*, hrsg. von E. Schwartz, 5. Aufl., Lpz., 1955.

⁴ E. Schwartz, *Kaiser Konstantin und die christliche Kirche*, 2. Aufl., Lpz. — B., 1936.

⁵ Тем самым он отказывается от датировки, которую отстаивал в другой статье, также включенной в этот том — «О смерти сыновей Зеведевых» (стр. 48—123): там Шварц предлагал датировать приезд Павла в Иерусалим временем не ранее 47 г. (стр. 51).

упомянутая в Деян., 18, 12 встреча Павла с проконсулом Галлионом в Коринфе имела место в эти годы. Но в таком случае возникают новые трудности, ибо вторую поездку Павла по Греции и Малой Азии приходится датировать 51—55 или 52—56 гг., а приезд в Иерусалим относить к 56—57 г.⁶, т. е. ко времени уже после того года, каким Шварц датировал отставку Феликса.

Сам Шварц весьма критически относится к новозаветному преданию о Павле, вскрывает в этом рассказе противоречия и несообразности, удвоение эпизодов и т. п. Особенно тщательно выясняет он противоречия в рассказе о процессе Павла. «Редактор Деяний, — пишет он (стр. 168), — стремится всеми средствами запутать описание хода процесса»⁷. Рас-

ходится Шварц с исторической традицией и в другом вопросе: он отрицает возможность того, что Павел стал жертвой «так называемых пероновских гонений» (стр. 169), и относит его смерть к 57—58 г.

Наконец, две статьи этого тома посвящены проблемам раннецерковного права: в одной из них рассмотрен вопрос о псевдоапостольских правилах (стр. 192—273) (отмечу, что в этой статье использованы некоторые рукописи ГИМ'а), в другой — характер исповеди в ранней церкви (стр. 274—362). В ней частный, казалось бы, вопрос об изменении форм исповеди рассматривается в тесной связи с проблемой превращения христианства в господствующую религию: исчезновение публичного покаяния, характерного для первоначальных демократических общин, Шварц увязывает с общими переменами в церкви в IV в. Воспитательное значение публичного покаяния, подчеркивает Шварц, было забыто; если эта форма исповеди еще и сохранялась, то лишь в качестве застывшего рудимента.

А. П. Камдан

sionary Journeys as Reflected in his Letters, «Journal of Biblical Literature», 74, 1955).

D. N. SHASTRI, Critique of Indian Realism. A Study of the Conflict between the Nyāya-vaiśeṣika and the buddhist Dignāga school, Agra, 1964, XXXII, 562 стр.

Одну из интереснейших страниц в истории индийской философии составляет полемика между ньяя-вайшешикой и буддизмом. Полемика эта, связанная с разработкой таких кардинальных проблем как теории познания, учение о природе внешнего мира, о причинности и т. д., длилась, по-видимому, не меньше половины тысячелетия (с V до XI в.) и до сих пор не получила сколько-нибудь детального освещения в науке. Уже это обстоятельство определяет интерес к рецензируемой книге — первому капитальному исследованию этого вопроса. Автор Дхармендра Натх Шастри — известный ученый, профессор санскрита и директор Института индологии Университета Курукшетра. Его исследование — итог многолетней работы, задуманной еще в 1944—1945 гг.

Книга состоит из введения (стр. IX—XV), где указана проблематика исследования, а также круг использованных источников, и тринадцати глав. Первая (вступительная) глава вкратце прослеживает этапы развития философии ньяя-

вайшешики и буддийской школы Дигнаги (ок. V в.), и характер полемики между ними. Далее во второй и третьей главах автор отмечает основные черты «реализма» (realism) и «идеализма» (idealism)¹ в классической индийской философии (в частности, противопоставление bāhyārtha-vāda — vijnāna-vāda и др. — ср. стр. 46). Четвертая глава содержит исторический обзор источников ньяя-вайшешики; пятая — основные черты «реализма» этого направления. Первые пять глав носят по замыслу автора (стр. XIII) вводный характер и рассчитаны на более широкий круг читателей. Следующие главы освещают отдельные пункты полемики между ньяя-

¹ Этими понятиями Д. Шастри (стр. 39) обозначает соответственно взгляд на внешний мир, как на существующий или не существующий независимо от человеческого опыта (experience). Анализ соответствующих воззрений автора выходит за рамки настоящей заметки, носящей чисто информационный характер.

вайшешикой и школой Дигнаги. Шестая глава посвящена вопросу о субстанции (dravya; substance), седьмая — теории причинности (kāraṇa; causation), восьмая — проблеме качественной характеристики (qualities); девятая — понятиям sāmānya (universal) и apoha (negation — ср. стр. 355 сл.); десятая — понятию samavāya (inherence); одиннадцатая — проблеме несуществования (abhāva). Двенадцатая глава уделяет внимание некоторым эпистемологическим проблемам «реализма» в индийской философии. Наконец, в заключительной главе содержится резюме всего труда. Работа сопровождается библиографией (стр. XXVII—XXXII), весьма полезным терминологическим словарем (стр. 502—512), собранием санскритских текстов, цитируемых в книге в английском переводе (стр. 513—544), и указателем (стр. 545—562).

Благодаря исследованию Д. Шастри мы располагаем теперь гораздо более ясной картиной развития ньяя-вайшешики — как в отношении основных положений этой школы — учение Вачаспати-мишры о роли восприятия, различение субстрата и его качеств (dharma-dharmi-bheda), теория причинности и т. д. — так и в отдельных частностях — например, уточнение автором значения таких понятий как pramāṇa («мера»), samuoga («связь») и т. д. (ср. стр. 295 сл.). Внимание заслуживает предложенная Д. Шастри периодизация истории ньяя-вайшешики: 1) начальный период (до появления школы Дигнаги); 2) период развития в полемике с Дигнагой; 3) период упадка (послебуддийский). Ряд интересных наблюдений сделан и над учением Дигнаги — например, сведения о теории исчезновения (ksana — bhāga — ср. стр. 187 сл.); анализ отношения между понятиями bheda-graha («непостижение различия») и abheda-graha («постижение неразличия») — стр. 342 сл.; и т. д.

В истории индийской мысли, заключает автор, «возможно, не было другого такого периода, когда эта проблема (т. е. „реален“ или „идеален“ внешний мир) обсуждалась бы с напряженным интере-

сом в течение столь длительного времени, как это имело место в столкновении буддийской школы Дигнаги и ортодоксального реалистического лагеря, возглавляемого ньяя-вайшешикой. Последняя упорно сражалась, но как раз в то время, когда это сражение, казалось, уже было проиграно, ее противник, буддизм, физически исчез со сцены» (стр. 501).

Необходимо отметить, что, аргументируя свои доводы, автор неоднократно ссылается на труды Ф. И. Щербатского, чьи толкования буддийских текстов (имеется в виду, прежде всего, 2-й том *Buddhist Logic*) по признанию самого Д. Шастри сыграли определяющую роль в формировании его воззрений (ср. стр. XI—XII). Д. Шастри с глубочайшим пиететом относится к имени выдающегося русского индолога — как известно, он посвятил ему специально статью². Не случайно, предпослав своей книге традиционное приветственное возгласие в санскритских стихах, он называет в числе трех учителей, которым посвящает свой труд, Дигнагу, Вачаспати-мишру и «русского ученого Щербатского» (стр. VI—VII).

Работа Д. Н. Шастри, основанная на глубоком знании источников, впервые затрагивает с такой полнотой и тщательностью ряд кардинальных вопросов истории ньяя-вайшешики и буддизма³. Она, без сомнения, представляет собой крупный вклад в изучение индийской философии и заслуживает пристального внимания специалистов.

А. Я. Сыркин

² См. D. N. Shastri, *Stcherbatsky's Contribution to Indian Philosophy*, «Modern review», February, 1953; сокращенный русский перевод: Д. Н. Шастрин, Вклад Ф. И. Щербатского в развитие индийской философии, «Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР», 28, 1958, стр. 75—80.

³ Ср. мнение д-ра С. Радхакришнана, высказанное им в предисловии и рецензируемой книге (стр. III—IV).